

Глава 1. Пролог

Одна хлыстица — боль, пронзающая душу насквозь.

Вторая хлыстица — сухожилия рвутся, кожа слезает.

Третья хлыстица — плоть отделяется от костей.

Четвертая хлыстица — душа расстаётся с телом.

.....

Двадцатая... Каково это — двадцать раз? Пожалуй, примерно то же, что испытываю я сейчас.

Я уже не знаю, что такое боль. Нет, не так: я уже не знаю, что такое отсутствие боли.

Хлыст Небесной Кары — сокровище небожителей, вещь на черном рынке бесценная. Даже если ты лишился плоти, он способен разорвать твою душу в клочья, причиняя невыносимые страдания.

Я осторожно собираю разлетающиеся клочки души и кое-как дохожу до девятнадцатого удара.

Каждый месяц в начале собирать душу, отращивать кости, покрывать их новой плотью, а в конце каждого месяца снова быть исхлестанной до полного рассеяния — ради чего все это терпеть?

Я изо всех сил натягиваю связки — будь они у меня — и кричу:

— Хватит, хватит, хватит, хватит, хватит! Высший небожитель, великое божество, мне почему-то кажется, что уже было двадцать!

Вложено столько сил, а вышло лишь жалкое жужжание комара.

Тот высокопоставленный небожитель окутан клубами клубящейся бессмертной ци, и мне — этой жалкой, истерзанной, покрытой тысячей дыр душе — не разглядеть даже края его одежды.

Он владеет превосходными Бессмертными искусствами, наверняка услышал меня, но даже не удостоивал вниманием. Из бессмертной ци в меня полетел холодный луч — и снова удар хлыста.

Я мысленно выругалась: душа, которую с таким трудом удалось собрать, снова, мать твою, разлетелась...

Вновь назначенный горный бог стянул у духа земли персик, откусил маленький кусочек и произнес:

— Это тот самый легендарный Бессмертный владыка Сюаньцзи? С какой стати ему лично спускаться сюда и махать Хлыстом Небесной Кары? Разве нельзя было поручить столь ничтожное дело какому-нибудь рядовому бессмертному чиновнику из Небесной Тюрьмы?

Дух земли посмотрел в сторону небольшого водоема, окруженного изумрудными пиками:

— А ты знаешь, чья это маленькая душонка там запечатана? Это же великий вор Цин Инь.

Горный бог удивился:

— Неужели та самая Цин Инь, которая в свое время похитила древний артефакт Чжуфан и перевернула весь Мир Бессмертных вверх дном?

Дух земли поджал губы:

— А чья же еще? Говорят, ее тогда с таким трудом поймали, да вдобавок Бессмертный владыка Сюаньцзи из-за нее понизил свой уровень культивации на несколько ступеней. Неудивительно, что он решил лично спуститься вниз, чтобы выплеснуть ненависть. Смотри-ка, ровно триста лет лупил — в этом месяце как раз экзекуция и закончилась.

Горный бог цыкнул языком:

— От Хлыста Небесной Кары обычный человек и одного удара не вынесет, тут же обратится в прах. Удивительно, как эта душа все держалась и не рассеялась. Целых триста лет прошло, любая вражда уже должна была утихнуть, а он все еще бил так жестоко. Кто бы мог подумать, что Бессмертный владыка Сюаньцзи, небожитель с самого верха Девяти Небес, окажется настолько злопамятным и мелочным.

Стоило прозвучать этому вердикту из восьми иероглифов, как дух земли испуганно зашипел, вцепился в шею горного божка и зажал ему рот. Но закрыть ему рот он не успел: оба разом рухнули плашмя на землю, онемев с головы до ног, не в силах вымолвить ни слова.

Белая фигура, источающая ослепительное бессмертное сияние, промелькнула мимо них и стрелой взмыла ввысь, к Девяти Небесам.

Глава 2. Утрата души 1

У развилки у подножия горы Лушань рос огромный старый иван, которому шел уже не первый век. Под ним примостился убогий чайный ларек: на нехитром прилавке стояло несколько кривобоких грубых пиал и старый чайник с отбитым носиком. Рядом торчала табличка с надписью: «Одна монета — одна пиалушка».

Какой-то юноша в простой одежде неспешно шагал по горной тропе, бросил на землю узел, притянул к себе маленький деревянный табурет и присел. Похоже, от дальней дороги его сильно мучила жажда, и он без церемоний потянулся за пиалой чая.

— Уважаемый, подскажите, по какой дороге идти к академии Лушань?

Хозяин чайной лавки выглядел совсем стариком. Он нахлобучил огромную соломенную шляпу так, что все его лицо скрывалось в тени, а кожа на открытой шее и руках была покрыта пигментными пятнами и глубокими морщинами, точно кора старого дерева. Подняв глаза, он зловеще уставился на юношу:

— Ты про ту академию, где призраки водятся?

Юноша услышал это, опустил пиалу на стол и переспросил:

— А? В академии водятся призраки?

Старик медленно приподнял руку, призывая юношу продолжать пить чай:

— И то верно. Говорят, там уже несколько человек сгнуло. Мозги выскребают, душу выпивают досуха. Если так спешишь отправиться на тот свет — то ступай.

Юноша покорно отхлебнул чаю, перевел дыхание и уточнил:

— Так там нечисть или злые духи?

Старик зловеще протянул:

— Призраки или демоны — все одно, твари лютые, связываться себе дороже. Специально охотятся до чужих мозгов. — Он оскалил зубы в жуткой улыбке. — Как думаешь, они больше любят сладкое или соленое?

Лицо юноши оставалось невозмутимым. Одним движением он осушил пиалу до дна, ничуть не испугавшись:

— Я как раз собираюсь в эту академию. Так по какой же дороге туда идти?

Старик в упор глянул на юношу и указал на извилистую козью тропку слева:

— Налево.

С виду тропинка казалась непростой: петляя, она уходила вглубь глухой, безмолвной горной долины, и неведомо было, куда она ведет.

Юноша чуть изогнул губы в улыбке, подхватил узел и поднялся на ноги:

— Благодарю. — Он нашарил в кармане деньги, сунул их в руку старика, но свернул прямо на широкую ровную дорогу, уходившую направо.

Старик уже было собрался окликнуть юношу, но вдруг почувствовал, что монеты в руке какие-то странные на ощупь. Опустив взгляд, он увидел крошечную черную бусину, излучающую мягкое сияние, гладкую и темную, словно черный нефрит. Он торопливо закричал:

— Эй, братец!

Юноша обернулся и с улыбкой бросил:

— Это плата за чай. Местных медных монет у меня нет, а создавать их из воздуха, чтобы воспользоваться твоим гостеприимством, мне не хочется. Ты с самого начала пугал меня, отговаривал идти в академию и намеренно указал ложный путь, хотя в чай подмешал целебные травы для прояснения ума и очищения глаз. — Он указал пальцем на небо. — Смотри, рано или поздно тебе придется подняться наверх, а там и этими деньгами расплатиться можно будет. Так что ты в убытке не останешься.